

АНТИКОР

КИРИЛЛ КАЗАНЦЕВ

АНТИКОРРУПЦИОННАЯ БРИГАДА

ГРЕХ

Антикор

Кирилл Казанцев

Грех

«ЭКСМО»

2012

Казанцев К.

Грех / К. Казанцев — «Эксмо», 2012 — (Антикор)

Батюшка Филарет вместе с предпринимателем Шамилем гонят в подземной пещере паленую водку. Случайно об этом узнает отец Мефодий, священник местной церкви. Он требует, чтобы Филарет прекратил преступную деятельность и публично покался. Но вместо раскаяния совершается преступление, и отца Мефодия убивают подручные Шамиля... Генерал Дугин – глава тайной антикоррупционной организации – поручает своему секретному агенту Андрею Ларину разобраться в ситуации. Ларин под видом беженца поступает в монастырь послушником...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Кирилл Казанцев

Грех

Глава 1

Пропетляв по кварталам частного сектора, неприметная «Лада-Калина» с забрызганным грязью номером остановилась на городской площади, мощенной булыжником. Водитель, веснушчатый блондин, кивнул кряжистому коротко стриженному качку, сидевшему рядом:

– Он скоро со службы пойдет, через рынок. Минут через пятнадцать.

– Думаешь, прямо на базаре его и тормознуть? – Качок недоверчиво прищурился, разглядывая сквозь запотевшее стекло городской пейзаж.

– Не совсем здесь. Неподалеку – железная дорога, сразу за переездом – его дом. Маршрут мной изучен досконально. Обычно он идет через рыночные ряды, сворачивает налево к пустырю и через гаражи попадает к железнодорожному переезду. – Водитель извлек из кармана сложенный листок бумаги с распечаткой карты, тщательно расправил ладонью, ткнул пальцем в извилистую красную стрелку. – Вот, смотри. Это мы на площади. Это рынок. Это дорога в сторону его дома. Это железнодорожные пути. А вот тут, между гаражами и железной дорогой, в такое время вообще никогда никого не бывает. Проверено...

– А ты что будешь делать?

– Ты иди, а я сразу к гаражам подъеду, только с другой стороны. Ты его на рынке срываешь, незаметно ведешь до железной дороги, а дальше – как и договаривались. Только аккуратно, не проколишь...

– Не учи ученого, – раздраженно отмахнулся коротко стриженный.

– Может, фотографию его дать на всякий случай?

– Ты уже показывал.

– Мог и забыть!

– А у меня зрительная память хорошая.

Сунув схему в карман, коротко стриженный вышел из машины и неторопливо, вразвалочку, двинулся в сторону базара.

День был серый, пасмурный, осенний воздух был насыщен водяной взвесью. Ветер носил горьковатый запах палой листвы. Блестели округлые булыжники, редкие машины резали длинные лужи, как катера. Кривой переулочек вывел качка на площадь, забитую рядами машин. За ними чернел бетонный забор, зияющий воротами с надписью «Центральный рынок», по бокам которых густо белели влажные объявления. Прилавки были плотно утрамбованы стопками джинсов, свитеров и курток, покрытых матовой от сырости полиэтиленовой пленкой. Рядом возвышались металлические столы с навесами, с которых старушки торговали овощами и зеленью.

Зайдя за один из таких столов, качок извлек из кармана схему, вновь бегло ее просмотрел, посмотрел в сторону выхода, за которым желтела небольшая церковь с синими куполами. Затем внимательно взглянул на видеокамеру, висевшую у входа в сберкасса.

Народу было немного – базарный день уже заканчивался. Да и в этом райцентре, расположенном в часе езды от Москвы, покупки было принято совершать с самого утра.

Человек, которого отслеживал качок, появился спустя минут двадцать. Это был немолодой мужчина в старомодном драповом пальто и с аккуратно подстриженной седой бородой. Видимо, в городке его хорошо знали: мужчина то и дело останавливался, отвечая на приветствия прохожих. Миновав длинный ряд прилавков с осенними фруктами, он размеренным

шагом двинулся в глубь базара. Соглядатай, спрятав схему в карман, пошел за ним на небольшом отдалении.

Провинциальный рынок был маленьким – пройдя его насквозь за какие-то десять минут, мужчина с седой бородой неторопливо вышел на пустырь, за которым темнели кооперативные гаражи. Качок, двигаясь чуть поодаль, то и дело останавливался у столбов, делая вид, что читает наклеенные объявления. Людей на пустыре почти не было: молодая мама с детской коляской, двое подростков с пивом, бомж с клеенчатой сумкой...

Тем временем преследуемый свернул за угол, и соглядатай ускорил шаг. Теперь дорога шла вдоль гаражей с пронумерованными металлическими воротами. Дойдя до середины длинного ряда, мужчина в старомодном пальто обернулся и пошел быстрее – видимо, он заметил за собой слежку. Качок тут же спрятался за столбом. Однако жертва явно почуяла неладное. Движения седобородого стали более резкими, шаги – размашистыми. Отыскав узкую щель между гаражами, преследуемый тут же юркнул в нее.

Теперь соглядатаю не было смысла изображать из себя прохожего – и он тотчас же бросился следом. Добежав до щели между гаражами, он попытался было протиснуться между металлическими плоскостями, однако сделать это сразу не удалось: пространство было слишком тесным, а качок – слишком широким. Казалось, до беглеца можно было дотянуться рукой, однако тот уже уходил. Беглец добрался до конца гаражей. Ухватившись ладонью за угол, он вытянул тело и, даже не оборачиваясь, помчался в сторону железнодорожной насыпи, за которой темнели шиферные крыши поселка.

И тут на пустынном шоссе, параллельно железной дороге, появилась неприметная «Лада-Калина» – та самая. Машина ехала прямо навстречу беглецу. Когда до мужчины в старомодном пальто оставалось метров пять, «Лада-Калина» резко затормозила. Дверца раскрылась, и из машины высочил водитель. Короткий замах, выверенный удар по голове убежавшего, негромкий вскрик...

Подхватив обмякшее тело, блондин тут же сунул его на заднее сиденье, перевернул на живот и, заведя обе руки за спину, защелкнул на запястьях наручники.

Меньше чем через минуту у «Калины» появился запыхавшийся качок.

– Чуть не упустили. – Преследователь нервно вытер вспотевший лоб.

– А почему ты его у гаражей не стукнул, как договаривались? – возмутился водитель.

– Откуда я знал, что там щель? На твоей карте ее не было!

– Ладно, поехали. – Веснушчатый блондин осмотрелся по сторонам. – Нас тут никто не срисовал?

– Тут тебе не центр Москвы. – Качок плюхнулся на переднее сиденье. – Видеокамер нигде не понатыкано. Где с этим уродом говорить будем?

– Там же... Где обычно.

Развернувшись на проселке, «Калина» неторопливо покатила в сторону загородного шоссе, за которым синел густой хвойный лес. Блондин вел машину спокойно, а вот качок нервничал, то и дело оглядывался, оценивая, сколько еще времени похищенный пробудет без сознания.

Спустя полчаса автомобиль уже катил по неширокой лесной дороге. Лес по обе стороны выглядел на редкость хмурым и неприветливым: поваленные стволы деревьев, темные пеньки, подернутые ярко-зеленым мхом, непроходимые заросли орешника.

Под протекторами влажно шуршала трава, хрустел валежник, низкие ветви то и дело царапали крышу. Дорога была извилистой. Она причудливо петляла между оврагами, поросшими густым ельником. Желтоватые контуры двойной колеи едва различались среди пожухлой травы и прошлогодних листьев.

Сумерки в лесу всегда начинаются незаметно. Казалось, еще недавно алые лучи пронизывали кроны, но вот уже полупрозрачный пепельный свет разливается по траве, наплывает между стволами, и на лес неотвратно опускается темнота.

Когда «Калина» свернула с проселка в березняк, в лесу почти стемнело. Однако водитель не включал дальний свет – наверняка боялся привлечь внимание каких-нибудь запоздавших грибников. Остановившись в низине, он выключил двигатель и кивнул спутнику. Меньше чем через минуту тот вытащил из салона пленника, который уже почти пришел в себя.

– Кто мы и откуда – тебе знать необязательно, – угрюмо произнес блондин. – Мы даем тебе выбор. Или ты по доброй воле подробно рассказываешь, что именно ты отправил в Москву. Или все равно рассказываешь, но уже не по доброй воле. А расскажешь ты это полюбому, это я тебе гарантирую.

Пленник взглянул на похитителей осмысленно и немного печально.

– Ох, и жутко же вам, ребята, гореть в геенне огненной!

– Ты нам свои сказки про гиен и гигиен тут не впаривай! – Качок демонстративно сжал огромные кулаки и агрессивно подался вперед. – Мы и без того знаем, что документы те и видеосъемку ты отправил своему бородатому дружку в Москву, который в Северном Измайлове живет. Правильно?

– А раз знаешь, так чего меня спрашиваешь? – на удивление спокойно произнес похищенный.

– Где он все это хранит? Или уже дальше переправил... по назначению? – качок схватил собеседника за подбородок. – Откуда тебе все стало известно? Кто тебе помогал? Сколько там вас вообще?

Мужчина в старомодном пальто опустил голову, демонстрируя, что продолжения беседы не будет.

– Так что – значит, разговаривать с нами не желаешь? – недобро и вкрадчиво поинтересовался спутник качка. – И очень зря. Тут, в лесу, твоего геройства все равно никто не оценит. Да и сам ты сделан не из гранита и мрамора, а из мяса и костей. Когда мясо начинают рвать, а кости ломать, у человека срабатывает инстинкт самосохранения. И ты, поверь мне на слово, не исключение.

Похищенный молчал, глядя куда-то поверх головы блондина.

– Ну что?.. – В руках качка появилась резиновая дубинка полицейского образца. – Сам напросился.

Веснушчатый блондин извлек из кармана огромные плоскогубцы и процедил:

– Мы тебя предупреждали...

* * *

– А во-он в той рощице мы еще не были. – Худощавый подросток поднялся на пенек и заинтересованно взглянул на березняк. – Там уж точно полные корзинки белых наберем...

Магия осеннего леса пленила, ворожила и обволакивала. Утреннее сентябрьское солнце пронзало лесные кроны нежным золотистым светом. За можжевельниковыми зарослями курчавилась пожелтевшая березовая роща, перераставшая в крепкую чащу.

Бабушка с внуком неторопливо шли по лесу, то и дело останавливаясь, разгребая палками пожухлую листву в поисках грибов. Они бродили так уже с час, однако лукошки были почти пустыми: несколько черных груздей и подосиновиков, парочка поздних сыроежек. Видимо, лес основательно подчистили дачники, приезжавшие из Москвы на недавние выходные. А вот для жителей небольшого поселка дальнего Подмосковья грибная охота была не досужей забавой, но традиционным промыслом, серьезным довеском к скромным зарплатам. Связки сушеных боровиков продавались на московском шоссе у бензозаправок и придорож-

ных мотелей, бесчисленные банки с маринованными маслятами и опятами прятались в подвалах, а кое-что даже перепадало и столичным заготовителям.

Под подошвами тихо шелестели опавшие листья. Солнце цвета лимона медленно поднималось над полуоблетевшими кронами. Лес постепенно просыпался. Над головами затенькала невидимая в хвое птица. У вечнозеленого можжевельника мелькнули полупрозрачные крылья бабочки-капустницы. В далекой пуще дятел принялся долбить ствол, и мерный стук гулким эхом разносился между деревьями.

По дороге в березовую рощу бабушка с внуком не нашли ни единого гриба – даже поганок с мухоморами почему-то не было.

– Смотри, тут кто-то на машине проехал, – подросток внимательно осмотрел изумрудный мох. – Наверное, и тут эти городские все повыметали!

– Внучок, а я вот что нашла! – Присев на корточки, старушка аккуратно разгребла листья. – Смотри, какой чистенький боровичок!

– Значит, еще должны быть, – сразу же воодушевился парень и, осмотревшись, подался в глубь рощи. – Ба-буш-ка! Смотри, сколько!

За какие-то полчаса оба лукошка были заполнены почти доверху. Но ведь азарт грибника ничуть не меньше, чем у рыбака или охотника, – уж если везет, то хочется, чтобы везло как можно дольше.

То и дело перекладывая тяжелые корзинки из руки в руку, грибники углубились в березовую рощу.

– Смотри, что это? – подросток остановился, щурясь против солнца.

– Где?

– Во-он, за той березой, черное, между деревьев!..

Сделав несколько шагов, старушка и подросток остановились в ужасе. Плетеное лукошко выпало из рук бабушки, и грибы беспорядочно раскатились по мху.

На высоком березовом суку висело человеческое тело. Утренний ветерок ритмично раскачивал висельника – немолодого мужчину в старомодном пальто, с аккуратно подстриженной седой бородой. Страшнее всего было смотреть на лицо покойника: синюшное, с полузакрытыми глазами, с потеками запекшейся крови, оно казалось воплощением ужаса. Даже издали было понятно, что мужчину перед смертью страшно пытали и что повесился он наверняка не по доброй воле.

– Господи... – Бабушка, сделав несколько несмелых шагов назад, ухватила рукой за сосну. – В «Скорую» позвонить надо... Или в полицию.

– А я, кажется, знаю, кто это такой... – Внук дрожащими руками достал из кармана мобильник и, не попадая пальцами в кнопки, принялся набирать номер «Экстренной помощи»...

* * *

Полиция и «труповозка» из морга прибыли в лес минут сорок спустя, почти одновременно. Висельника аккуратно вынули из петли, уложили на жухлую лесную траву.

Никаких особых следов рядом обнаружено не было – не считая следов автомобильных протекторов неподалеку. Однако определить модель машины по этим следам не представлялось возможным: на мху все следы выглядят практически одинаково. Рядом с повешенным не было найдено ни окурков, ни клочков бумаги, ни следов обувных подошв – словом, ничего, что указывало бы на присутствие тут посторонних.

Личность висельника установили сразу же, по найденным при нем документам. Это был Михаил Рождественский, известный также как отец Мефодий, протоиерей местной церкви

Святого Георгия. Что привело его в березовую рощу, находившуюся километрах в шести от города, кто его пытал и каким образом он оказался в петле – все это пока являлось загадкой.

Однако и полиция, и районная прокуратура решили эту загадку довольно быстро. По их версии, отец Мефодий банально свел счеты с жизнью, повесившись без чьей-либо помощи. Ведь в березовой рощице не было найдено абсолютно никаких посторонних следов...

Версия эта, впрочем, не выдерживала никакой критики. Православный священник, самоотверженно набросивший на свою шею петлю, – в подобное отказывались верить даже самые забитые старушки из прихода Святого Георгия. Да и никаких причин, чтобы кончать жизнь самоубийством, у настоятеля церкви не имелось. Он был искренне любим паствой, его уважали в райцентре, у него не было ни конфликтов, ни невыплаченных кредитов, ни проблем с законом, на него не имелось какого-либо компромата, угрожавшего церковной карьере, делать которую он, впрочем, и не стремился. К тому же любимая попадья недавно родила ему третьего ребенка. Психика отца Мефодия отличалась тренированной стабильностью – ведь в прошлой, доцерковной жизни Михаил Рождественский был офицером-подводником. Никаких странностей, наводящих на мысль о временных помутнениях рассудка, за этим человеком никогда не замечалось. А главное – ни прокуратура, ни менты почему-то так и не объяснили возникновения явных следов попыток покойного протоиерея, как и «забыли» упомянуть о следах протекторов неподалеку от страшного места.

Как бы то ни было, но историю со странной смертью приходского священника замяли до неприличия быстро. Отца Мефодия поспешно похоронили на неосвященной земле, без всяких церковных ритуалов – как, впрочем, и положено поступать с самоубийцами. В приход Святого Георгия прислали другого священника, и жизнь в райцентре потекла своим чередом – серо, размеренно и спокойно.

Правда, слухи об очень странной смерти Михаила Рождественского вскорости дошли и до Москвы, и притом не только до высоких церковных кругов...

* * *

Андрей Ларин припарковал неброский фургончик с надписью «Мосгаз» в одном из дворов Северного Измайлова, заглушил двигатель и опустил стекло водительской дверцы.

Осенняя ночь выдалась на редкость спокойной. Пахло мокрыми тополями, хлесткий влажный ветер гонял по грязному асфальту пластиковые пакеты и обрывки газет. Желтые пятна редких фонарей, сизая мгла, черные полосы неровных теней... И ни единого человека поблизости.

Андрей извлек из чехла прибор ночного видения, включил, настроил, навел на темные окна последнего этажа панельного дома, возвышавшегося напротив. За полупрозрачными гардинами не угадывалось никаких признаков жизни. Однако это не означало, что квартира была пустой. Ларин подошел к таксофону, набрал номер домашнего телефона и, выслушав с десяток коротких гудков, опустил трубку на рычажок. Походило на то, что за окнами с полупрозрачными гардинами действительно никого не было. Ведь, как наверняка знал Андрей, хозяин никогда не отключал домашний телефон.

Ларин подхватил чемоданчик и вышел из машины.

Задача, поставленная перед ним, была явно не из простых: отследить, когда в квартире не будет жильцов, и незаметно туда проникнуть. Затем аккуратно вскрыть сейф, сфотографировать все документы и переписать на нетбук все DVD-диски, которые там хранились, после чего все разложить по местам, сейф закрыть, а квартиру покинуть – и притом так, чтобы никто даже не заметил визита незваного гостя. По всем прикидкам, хозяева не должны были появиться внезапно – Андрей уже установил, что сегодня они собрались к родственникам в Серпухов.

И без того непростая задача усложнялась наличием в подъезде камеры слежения. К тому же на квартирной двери был установлен видеоглазок с постоянной фиксацией всех выходящих из лифта.

Проходя мимо ряда припаркованных машин, Андрей взглянул на свое отражение в боковом зеркальце: в меру поношенный комбинезон с эмблемой «Мосгаза», пластиковая каска, накладные усы... Однако, поразмыслив, он все-таки решил не идти в квартиру через подъезд – мало ли какие потом могут выплыть непредвиденные ситуации с этими видеокамерами?! Существует немало компьютерных программ, позволяющих составить подробный фоторобот даже с очень посредственной видеокартинки. Ведь это только береженого Бог бережет, а человек его статуса должен позаботиться о своей безопасности самостоятельно. Тем более что в соседнем подъезде видеокамера, как наверняка знал Андрей, не работала уже несколько дней.

Он зашел в лифт соседнего подъезда, нажал верхнюю кнопку и по металлической лесенке поднялся к дверце, ведущей на технический этаж. Замок не стал серьезной преградой: несколько поворотов отмычки – и дверца отошла в сторону. Пройдя с десятков метров, Андрей безошибочно отыскал нужное окно, открыл его и выглянул наружу.

Осеннее небо над Москвой было подкрашено по краям неровным желтым заревом. Мелкие звезды сливались с огнями электричества, и от этого зрелища на душе делалось тоскливо и тревожно. Двор по-прежнему оставался пустынным. Где-то вдалеке взывала и тут же стихла автомобильная сигнализация, да из соседнего двора то и дело доносились пьяные крики и хохот – там отдыхали местные гопники.

Ларин извлек из чемоданчика скрученный альпинистский шнур, разматал бут, пристегнул карабин к железной скобе на бетонной балке. Несколько раз дернул шнур на себя, проверяя на прочность, и, убедившись, что все в порядке, бросил конец в раскрытое окно.

– Ну, с Богом! – напутствовал он сам себя и осторожно полез наружу.

Шнур резал ладони, ноги проваливались в зияющую пустоту, ветер раскачивал его тело, как маятник. К счастью, спуск занял чуть больше минуты – ведь нужная Андрею квартира была сразу под ним. Ловко прыгнув на балкон, Ларин извлек из кармана складной нож с узким и тонким лезвием. Приподнялся на наружный подоконник, натянул нитяные перчатки, не оставляющие отпечатков пальцев, ловко просунул лезвие в щель между форточкой и рамой, поддел засовчик, потянул его вверх. Спустя несколько минут он через форточку проник в гостиную. Включил фонарик и осмотрелся.

Квартира, судя по всему, принадлежала какому-то православному священнику. На это указывал и солидный киот в углу, и богатая библиотека церковной литературы, и фотография хозяев: еще нестарого бородатого мужчины в серой рясе и полной женщины в платке. Андрей выглянул в коридор. В доме действительно было пусто. Стараясь не шуметь, Ларин принялся обследовать квартиру в поисках сейфа. Овальное пятно фонаря скользило по стенам, и в его свете плясали пылинки.

Сейф он обнаружил в спальне. К его удивлению, металлический ящик был вскрыт, притом самым варварским способом: при помощи портативного газового резака. Грабители просто вырезали овал вокруг замка, протолкнули его вовнутрь и открыли дверцу. Вещи в спальне были разбросаны. Под ногами белели перья из разорванной подушки, на кровати валялись ворохи каких-то бумаг с печатями Московского патриархата, порванные фотоснимки и несколько нательных крестиков.

Андрей тут же сунул руку в карман комбинезона. В ладонь легла рифленая рукоять пистолета. Несколько минут он простоял, вслушиваясь в звуки ночной квартиры: едва различимое тиканье ходиков, почти неслышный шелест воды в трубах, ленивое урчанье холодильника на кухне... Тягуче шли минуты, и, если бы не все эти звуки, можно было бы подумать, что время остановилось навсегда. Внезапно сбоку послышался унылый скрип – незванный гость резко

обернулся на звук, но тут же выдохнул; сквозняк из зала распахнул незакрытую фрамугу. В спальне сразу же потянуло холодком.

Удерживая пистолет в вытянутой руке, Ларин вышел в коридор и двинулся на кухню.

У холодильника, в луже растекшейся крови, лежала женщина – та самая, что и на фотографии в гостиной. Рука ее была неестественно вывернута назад, на шее темнела глубокая рана – то ли от бритвы, то ли от кинжала. Ларин осторожно дотронулся до руки покойной – она была еще теплой.

За свою жизнь Андрей видел немало крови, немало трупов. Однако вид беззащитной пожилой женщины, безжалостно зарезанной в собственном доме, заставил содрогнуться даже его.

И тут из-за спины Ларина донесся едва различимый стон. Андрей резко развернулся на девяносто градусов и тут же опустил пистолет. Стон, несомненно, доносился из-за неплотно прикрытой двери ванной комнаты...

В ванной, до краев наполненной розовой от крови водой, лежал бородатый мужчина – безусловно, хозяин квартиры. На его лицо, распухшее от побоев, было страшно смотреть: разорванная губа, разбитая до кости скула, клочья волос, выдранные кое-где до самых корней, подожженная борода... На шее темнела огромная резаная рана.

– Ничего вы не получите... – чуть слышно хрипел умирающий. – И вам, и ему по заслугам за всю вашу бесовщину воздастся!..

Прошептав еще что-то, священник замолчал. В его горле что-то булькнуло, по телу пробежала предсмертная судорога, и он затих.

Ларин понял: из этой квартиры надо срочно уходить. Ведь обнаружь его правоохранители рядом с двумя зверски убитыми хозяевами – и ни один российский суд не поверит в его невиновность! Да и нужных бумаг, судя по всему, ему уже не сыскать. Видимо, его опередили на какой-то час...

Подъем занял чуть больше времени, чем спуск. Андрей быстро смотал шнур, закрыл окно и, покинув технический этаж, закрыл за собой дверь отмычкой. Спустя минут десять неприметный фургон неспешно выезжал со двора.

Покружив по Северному Измайлово, Ларин вырулил на Сиреневый бульвар. Он вел микроавтобус аккуратно, стараясь не выбиваться из общего автомобильного потока. Свернул в переулок от Щелковского шоссе, остановился, отслеживая через заднее зеркальце возможных преследователей, и, убедившись в отсутствии слежки, выехал из переулочка к мрачному промышленному сооружению, огороженному бесконечным бетонным забором. Металлическая створка, ведомая электромотором, плавно отошла в сторону и тут же закрылась за въехавшей машиной. Меньше чем через минуту из ворот, расположенных на противоположной стороне, тяжело выкатил банковский броневичок канареечного цвета и в сопровождении джипа охраны покатил в сторону центра.

Андрей Ларин, сидевший в чреве банковской машины, сосредоточенно пил из термоса крепкий чай, скупно рассказывая об увиденном в квартире немолодому мужчине с крупным мясистым лицом.

– Значит, они нас опередили... – задумчиво произнес тот. – Видимо, мы все-таки недооценили противника. Эти скоты оказались хитрей, проворней и изворотливей нас.

– Кто же именно нас опередил, Павел Игнатьевич? – осторожно поинтересовался Ларин. – О каких именно скотах идет речь? И вообще: что это за странное дело с повешенным священником и перерезанными глотками... и почему тут замешано так много попов?

– Все на месте, – прищурившись, напряженно проговорил Павел Игнатьевич Дугин. – Тут так сразу и не объяснишь...

Глава 2

В районе Садового кольца есть немало зданий, истинные владельцы которых не известны ни БТИ, ни местной полиции, ни даже всезнающему Госкомимуществу. Одно из таких строений как раз и располагалось во дворах улицы Земляной Вал, неподалеку от Курского вокзала. Внешне оно выглядело заурядно: обычный доходный дом конца девятнадцатого века. Ничто не указывало на какой-то особый статус – ни пуленепробиваемых окон, ни навороченной сигнализации, ни роскошных лимузинов у входа. Разве что видеокамер наружного наблюдения было чуть больше, чем на соседних домах, однако на такие мелочи никто давно уже не обращает внимания.

Скромная табличка у входа свидетельствовала, что в здании расположен офис компании с труднопроизносимым названием «Госстройдокументация». Однако даже в ночное время на верхнем этаже дома иногда горел свет, но чем там занимались, никто понятия не имел.

И лишь несколько десятков человек в Москве знали, что в неприметном с виду здании на Земляном Валу располагался один из офисов мощнейшей и отлично законспирированной тайной структуры Российской Федерации. Возглавлял ее Павел Игнатьевич Дугин. В отличие от большинства подобных организаций, эта структура не ставила перед собой целью свержение действующего режима с последующим силовым захватом власти. Цели были более чем благородными: беспощадная борьба с коррупцией в любых ее проявлениях, и притом исключительно неконституционными методами.

Костяк тайной структуры в основном составили те честные офицеры-силовики, которые еще не забыли о старомодных понятиях «порядочность», «совесть», «присяга» и «интересы державы». Однако одиночка, сколь благороден бы он ни был, не в состоянии победить тотальную продажность властей. Тем более коррупция в России – это не только гаишник, вымогающий на трассе дежурную взятку, и не только ректор вуза, гарантирующий абитуриенту поступление за определенную таксу. Коррупция в России – это стиль жизни и среда обитания...

Начиналось все с малого. Офицерам, выгнанным со службы за излишнюю порядочность, Дугин подыскивал новые места работы. Тем более что его генеральские погоны и высокая должность в Главке МВД открывали самые широкие возможности. Затем начались хитроумные подставы для «оборотней в погонах», этих самых честных офицеров уволивших. Для этого несколько наиболее проверенных людей были объединены в первую «пятерку». Вскоре организовалась еще одна. Затем – еще...

Заговор – это не обязательно одеяла на окнах, зашитая в подкладку шифровка, подписи кровью на пергаменте и пистолет, замаскированный под авторучку. Залог любого успешного заговора и любой тайной организации – полное и взаимное доверие. И такое доверие между заговорщиками против коррупции возникло сразу же.

Вычищать скверну законными методами оказалось нереально. Та же «внутренняя безопасность» во всех без исключения силовых структурах занимается, как правило, только теми, на кого укажет пальцем начальство. К тому же корпоративная солидарность, продажность судов и, самое главное, – низменные шкурные интересы российского чиновничества не оставляли никаких шансов для честной борьбы. И потому Дугин практиковал способы более радикальные, вплоть до физического уничтожения крупных коррупционеров. Точечные удары вызывали у продажных чиновников естественный страх, количество загадочных самоубийств среди них росло, и многие догадывались, что эти смерти далеко не случайны. Слухи о некой тайной организации, этаким «ордене меченосцев», безжалостном и беспощадном, росли и ширились, и притом не только в Москве, но далеко за ее пределами. Корпус продажных чиновников просто не знал, с какой стороны ждать удара и в какой именно момент этот удар

последует. Что, в свою очередь, становилось не меньшим фактором страха, чем сами акции устрашения.

Сколько людей входило в тайную структуру и на скольких высоких этажах власти эти люди сидели, наверняка знал только Дугин. Даже в случае провала одной из «пятерок» структура теряла лишь одно звено, да и то ненадолго – так у акулы вместо сточенного ряда зубов очень быстро вырастают новые.

Самому же Андрею Ларину, бывшему нарфоминскому оперативнику, бывшему заключенному ментовской зоны «Красная шапочка», бежавшему из нее не без помощи Дугина, отводилась в законспирированной системе роль такого «боевого копья». И, как догадывался Андрей, далеко не единственного. Таких «копий» у Дугина наверняка было несколько. Пластическая операция до неузнаваемости изменила лицо бывшего нарфо-минского опера – случайного провала можно было не опасаться. Жизненного и профессионального опыта Андрея было достаточно, чтобы быстро ориентироваться в самых сложных ситуациях. А природного артистизма – чтобы убедительно разыграть любую нужную роль, от посыльного до губернатора. Несомненно, все эти качества Ларину предстояло продемонстрировать в самом ближайшем будущем. Однако что за дело ему предстоит расследовать, почему в нем оказалось замешано так много православных священников – оставалось только догадываться...

...Скрывшись за металлическими воротами, бронированный банковский фургон нырнул в подземный гараж. Меньше чем через минуту Андрей и Павел Игнатьевич поднялись в лифте на последний этаж, в небольшой уютный офис.

– Устраивайся, немного отдохнем – и сразу к делу. – Дугин включил торшер, подумав, подошел к бару у окна. – Может, выпьешь немного?

– Тут или выпивать, и немало, или сразу к делу, – скупой улыбнулся Андрей, плюхаясь в кожаное кресло перед журнальным столиком.

– Думаю, что после всего увиденного в квартире тебе все же необходимо снять стресс, – хозяин офиса взял с полки бутылку водки. – Тем более я угощаю.

– Тогда уж не забудьте угостить меня и морковным соком, – напомнил Ларин. – Как я и люблю.

– Никак не могу понять, почему водку надо запивать таким варварским способом. – Дугин отыскал в холодильнике пакет ядовито-оранжевого цвета, поставил перед гостем.

– Для поддержания кислотно-щелочного баланса в организме. А вообще, считайте это моим маленьким недостатком. Я ведь принципиально не курю, не колюсь наркотиками, не волочусь за замужними женщинами, не играю в казино, не коллекционирую всякую дребедень. Имею я право хоть на что-то, за что меня можно осудить?

– Имеешь, имеешь... – согласился Дугин, налил себе красного сухого вина, уселся в кресле напротив. – А теперь – к делу. Андрей, скажи честно: ты вот в Бога веришь?

Вопрос этот мог бы привести в замешательство кого угодно, но только не Ларина.

– Верю, но считаю этот вопрос слишком интимным, а потому совершенно неуместным для публичной дискуссии, – спокойно парировал он. – Согласно нашей Конституции, и верующие, и атеисты Российской Федерации наделены абсолютно равными правами.

– А как же духовность? – подначил собеседник.

– В нашей стране есть люди, которые распинаятся про духовность и веру в Бога вполне профессионально. Этих людей почти ежедневно можно видеть по «ящику». Красивые такие, с надушенными бородами, в гламурных рясах «от-кутю», сплошь на «Мерседесах», «Майбахах» и «Лексусах».

– Красивые-то красивые, но ведут себя не совсем красиво. Андрей, не мне рассказывать, чем занимаются некоторые высокопоставленные иерархи Русской Православной Церкви. Про табачный и водочный бизнес. Про торговлю нефтью, цветными металлами и банковскую деятельность. Про банкетный зал в храме Христа Спасителя и автомойку под ним. О «прейску-

рантах на оказание ритуальных услуг», висящих во многих храмах, ты знаешь и без меня. Равно как и о взятках, которые священники платят кому надо за получение мест иереев и протоиереев в особо доходных подмосковных приходах. К вере в Бога это имеет точно такое же отношение, как производство велосипедов – к сочинению симфонической музыки. То есть на велосипеде, в принципе, можно доехать до филармонии, но на качестве исполняемой музыки это никак не отразится.

– А что, собственно, противозаконного в этом бизнесе? – спросил Ларин. – Церковь – такой же субъект хозяйственной деятельности, как и какой-нибудь вентиляторный завод. Даже у свечного заводика должен быть и расчетный счет в банке, и добротная бухгалтерия, чтобы деньги правильно подсчитать.

– Все верно. Но там, где крутятся большие деньги, рано или поздно появляется большой криминал. По крайней мере, у нас в России. И вообще: если государство превращается в мафию, то все ее институты, даже включая те, которые отвечают за мораль населения, автоматически становятся подразделением этой самой мафии. Рыба гниет с головы, Россия – с Кремля, а Церковь – с самых высокопоставленных иерархов, – засвидетельствовал Дугин и, выразительно помолчав, продолжил с подчеркнуто деловыми интонациями: – Ладно, а теперь непосредственно к нашему вопросу. Тут, недалеко от Москвы, есть один симпатичный райончик. Три фабрики, один завод, четырнадцать школ, пять кладбищ и один Дом культуры. Главная же его достопримечательность – древний монастырский комплекс, помнящий еще Бориса Годунова.

Ларин наморщил лоб.

– Был там когда-то, – прищурился он. – Этакая пряничная Московская Русь: маковки, малиновый звон, благодать Божья... Свято-Покровский монастырь, если не ошибаюсь. Правда, я «нарышкинское барокко» не сильно люблю, мне больше по душе архитектура восемнадцатого столетия. Но в монастыре главное в другом заключается.

– Благодатью там и не пахнет. – Павел Игнатьевич неторопливо достал из-под журнального стола кейс, щелкнул золочеными замочками и раскрыл объемную папку.

На столешницу легла пачка фотографий, на которых был изображен один и тот же человек, только в разные периоды жизни. Сдобный юноша с ранними залысинами и комсомольским значком на лацкане кургузого пиджака, средней упитанности монах с постным лицом, пузатый архимандрит с дивной красоты бородой, неуловимо напоминающий боярина из оперы «Хованщина»...

Павел Игнатьевич неторопливо комментировал:

– Это и есть настоятель того самого Свято-Покровского монастыря – архимандрит Филарет, в миру – Павел Афанасьевич Голобородов. Человек весьма любопытной биографии. Бывший освобожденный комсомольский секретарь колбасного завода. В самом начале лихих девяностых, когда ему было двадцать пять, оставил комсомольскую карьеру и неожиданно для многих принял монашеский постриг. В двадцать семь стал штатным священником небольшого подмосковного прихода. В двадцать восемь назначен настоятелем того же монастыря, в тридцать – его игуменом. В тридцать два получил место в одном из престижных монастырей в Москве в пределах МКАДа, подозреваю, что за взятку. В сорок стал архимандритом, настоятелем этого самого монастыря. Вполне успешная церковная карьера. Но есть одно «но». Полгода назад этот монастырь получил в собственность довольно большое предприятие, принадлежавшее когда-то еще советскому Министерству пищевой и легкой промышленности, к тому времени полностью развалившееся. В предприятие архимандрит Филарет вбухал огромные деньги, и оно как-то сразу же заработало. Охраняется оно похлеще Госзнака. Что там производится – совершенно неясно... По документам, что-то церковное – то ли свечи для богослужений, то ли вино для причастия.

– Спецназ в масках в бухгалтерию, представителей Следственного комитета в офис, прослушку в келью, – осторожно вставил Андрей и, пригубив спиртного, запил ярко-оранжевым соком. – И все сразу же станет ясно.

– В том-то и дело, что нельзя, – сокрушенно произнес Дугин. – Дело в том, что еще со времен президентства Ельцина любой монастырь Русской Православной Церкви – это как бы отдельная территория, выведенная из-под юрисдикции гражданских властей. Предприятие, о котором я говорю, формально является частью монастырской территории – что-то вроде подсобного хозяйства. И никто – ни прокуратура, ни полиция, ни ФСБ – не имеют права проникнуть туда без разрешения этого самого Филарета или его непосредственного начальства из Патриархии. Тем более что и с ментами и чекистами у нашего героя самые что ни на есть теплые отношения.

– А в чем, собственно, криминал? – не понял Андрей.

– Слушай дальше. Семь месяцев назад в этом самом городке стали бесследно пропадать люди. В это же самое время... или чуть раньше на филаретовское предприятие стали поступать железнодорожные цистерны с некими химреактивами. Установить, что это такое, нам так и не удалось – церковная собственность.

– Не святую же воду в этих цистернах возят, – не удержавшись, вставил Ларин.

– Неделю назад священник приходской церкви Святого Георгия, отец Мефодий, долго говорил с Филаретом, очень долго и дерзко. И, как нам точно известно, призывал его бросить свою бесовскую деятельность и публично покаяться. В противном случае отец Мефодий обещал невероятный скандал. Спустя два дня его со следами пыток нашли повешенным в лесу неподалеку от того самого городка. Нам удалось установить, что весь возможный компромат на Филарета, если он только у отца Мефодия был... покойный мог передать в Москву своему давнему другу, отцу Никодиму. Не для огласки, а для хранения – на тот случай, если что-нибудь произойдет с попадшей или детьми. Передал или не передал – непонятно, но что случилось с отцом Никодимом, ты видел сам несколько часов назад. Уверен – и эти загадочные смерти, и странное производство на территории монастыря – это лишь видимая часть огромного айсберга. Если копнуть хорошенько – наверняка можно обнаружить вещи и пострашней.

– Прямо какие-то «Тайны мадридского двора», а не «православная духовность»! – хмыкнул Ларин.

Павел Игнатьевич строго взглянул на собеседника.

– Среди русского православного духовенства очень много действительно порядочных и высокоморальных людей, – молвил он убежденно. – Те же отец Мефодий и отец Никодим... Которые наверняка могли не впутываться в эту историю, чтобы как минимум не портить себе карьеру. И далеко не всем высоким церковным иерархам нравится вся эта бесовщина, все эти бессовестные «распилы» бабла и холуйские реверансы перед Кремлем. Короче, слушай задачу. Первое: придумать себе убедительное легендирование для того, чтобы внедриться в окружение Филарета. Второе – собственно втереться к нему в доверие. Третье – выяснить все, что только можно. И о том, куда исчезают люди. И о том, что именно производится на купленном монастырем предприятии. И о том, что за странные цистерны туда завозятся. Ну и, конечно же, кто и почему убил двух уважаемых священников. Помогать тебе будет Лора. Тандем у вас давний, понимаете друг друга с полуслова... Да и, учитывая специфику наших контрагентов, «где черт не сможет, там бабу пошлет!».

Андрей отставил пустой стакан, поднялся с кресла, подошел к окну и отодвинул портьеру. Из-за полуоблетевших крон прорисовывался небольшой отрезок широкого проспекта. Половодье огней, нервное перемигивание рекламы, автомобильное стадо, застывшее перед светофором...

– Короче, «Сказка о попе и работнике его Балде», – скупой улыбнулся Ларин. – «Где бы найти мне такого работника не слишком дорогого...» Придется побыть при этом «толоконном лбе» Филарете таким сказочным Балдой.

– Ну, работать ты там будешь не один, а с Лорой. Кстати, она уже на месте – изучает обстановку. Наверняка поможет тебе грамотно внедриться в окружение Филарета.

– Тогда уж точно вышибем из него ум! – заверил Андрей.

– Нимало в этом не сомневаюсь, – согласился Павел Игнатьевич и, подойдя к бару, неожиданно спросил: – Может быть, еще немножечко водочки с морковным соком?

* * *

В каждом городке, где есть монастырь, существует категория профессиональных богомолок, знающих все и о местных святынях, и о наиболее харизматичных схимниках, и о том, какие иконы и в каких случаях жизни наиболее полезны. Им досконально известны все престольные и праздничные даты и особенности службы того или иного священника. Они безошибочно охарактеризуют тех или иных отцов, отличающихся или показательно строгой жизнью, или умением видеть человека «как он есть» на исповеди. Они могут посередине ночи рассказать все биографии более или менее значимого монастырского люда и даже их родственные связи и слабости.

Как правило, это пожилые одинокие женщины. Роль их – служить посредницами между монастырским начальством и чающей благодати публикой. Для паломников они служат своего рода путеводителями, являясь неутомимыми и словоохотливыми гидами, имеющими при монастырях всевозможные связи, лазейки или просто полезные знакомства.

Шестидесятилетняя Валентина Борисовна Околова, бывшая заведующая гороно, как раз и принадлежала к такой категории женщин. Семьи у нее не было, потому что в юности она решила сперва построить карьеру, а потом обзавестись семьей. В результате большую карьеру отстроить не удалось, а с замужеством не сложилось. Ведь большинство мужчин подмосковного городка, где работала Валентина Борисовна, считали ее «синим чулком». Что, впрочем, вполне соответствовало действительности: высокая, костлявая, с длинным и хищным лицом свежемороженой шуки, отставная чиновница от образования производила отталкивающее впечатление.

Доработав до пенсии, бывшая педагогиня ударилась в религию. Тем более что древний Свято-Покровский монастырь, расположенный в получасе ходьбы от ее дома, был благодатным местом для приложения религиозного рвения.

За короткое время Валентина Борисовна стала своим человеком в тамошнем храме. Конечно же, по монастырским уставам женщину могут пропускать на территорию лишь в престольные и праздничные дни, однако Околова как-то на удивление быстро втерлась в доверие к большинству тамошней братии – от простых послушников до людей, близких к самому архимандриту Филарету.

Большинство монастырского люда воспринимало ее как неизбежное зло – суетливая и многословная, она вносила в простую и размеренную жизнь Свято-Покровского монастыря явный диссонанс. Но и пользы от нее было немало. Ведь Валентина Борисовна стала и такой ходячей рекламой, и личным адъютантом при нескольких особо почитаемых ею священнослужителях...

...Сентябрьский день близился к концу. На полупустые улицы городка опускалась фиолетовая мгла. Одно за другим зажигались окна пятиэтажек вдоль главной улицы. Валентина Борисовна неторопливо шла из магазина по направлению к дому, когда рядом с ней остановилась скромная «шестерка» с нездешними номерами.

– Извините, пожалуйста. – Из машины вышла рыжеволосая женщина. – А как до Свято-Покровского монастыря добраться?

Околова переложила сумку из одной руки в другую и критически осмотрела водительницу «шестерки». С одной стороны, ей не слишком нравилось, что женщина водит машину. С другой же – рыжеволосая была явно порядочная, а не из «теперешних мамзелей»: длинное скромное платье мышиного цвета, минимум косметики и платок на голове, завязанный на церковный манер.

– Вон, свернете направо – и по Комсомольскому проспекту до самого конца, дальше налево по Свердлова, второй поворот в переулок Советских Чекистов – и сразу купола увидите.

– Спасибо. Да хранит вас Господь. – Рыжеволосая потупила взор.

Профессиональная богомолка явно подобрела и, обойдя машину, приблизилась к женщине.

– А вы в наш монастырь как паломница или по делу какому? – с прищуром спросила она.

– И как паломница, и по делу. – Водитель «шестерки» опустила голову.

– Чтобы замуж выйти, надо к святой Матроне Московской свои молитвы обращать, если бесплодие – то святую Ксению Петербургскую о ребеночке просить, а если муж сильно пьет – то твои молитвы только святой Вонифатий услышит! – привычной скороговоркой начала Околова.

– Ох, матушка, знали бы вы, что мои проблемы куда страшней и безбрачия, и бесплодия, и пьянства! – На глазах рыжеволосой блеснули слезы.

Слезы эти казались действительно искренними, и они не могли не тронуть даже зачерствевшее сердце бывшей заведующей горно.

– Что с вами?

– Не хочу напрягать вас своими проблемами, – вздохнула владелица «шестерки». – Так какой поворот на улицу Советских Чекистов, второй или третий?

Валентина Борисовна задумалась... Дома у нее все равно не было никаких дел: обед на завтра сварен, квартира убрана, цветы политы. Правда, оставался любимый сериал, но его можно было посмотреть утром. Так почему бы не помочь хорошему человеку?

– А давайте я вам покажу, – улыбнулась Околова вполне доброжелательно. – Только вы меня потом до дома довезите, а то темно уже... Изнасиловать могут! Теперешняя молодежь сами знаете какая!

– Буду вам очень признательна, матушка, – рыжеволосая любезно открыла правую переднюю дверь. – И обязательно потом отвезу туда, куда скажете.

Женщина вела автомобиль осторожно и даже неуверенно – видимо, и впрямь впервые была в этом подмосковном городке. Путь до монастыря был довольно долгим, и потому у Валентины Борисовны имелось достаточно времени утолить свое любопытство – узнать и о том, что же привело эту рыжеволосую к Свято-Покровскому монастырю, и, собственно, о ее личности.

Лариса – а именно так представилась водительница «шестерки» – оказалась русской беженкой из Киргизстана. История ее выглядела на редкость драматичной. Во время свержения президента Бакиева в стране начались погромы, притом часть их была направлена против русских. Погромщики не пощадили и церковь в предместье столицы: сам храм сожгли, священнослужители разбежались, а она с братом, бывшим церковным старостой, была вынуждена на этой самой машине бежать через всю Среднюю Азию в этот самый городок, к дальним родственникам. Родственники отказались приютить погорельцев безвозмездно, потребовали у них часть наследства, оставшегося от покойных бабушки-дедушки, в чем алчным и богомерзким родственникам было смиренно отказано. Так что теперь у бесприютных брата с сестрой оставался единственный выход – этот самый монастырь.

– На все воля Божья. – Валентина Борисовна едва не прослезилась. – Жаль только, что тем басурманам теперь нечистая сила такую силищу дала! Да разве только им? Протестантам окаянным, католикам еретическим, буддистам узкоглазым и мусульманам террористическим!

– Понимаю, что это испытание, которое послал нам Господь, – тяжело вздохнула Лариса.

– Пути Господни неисповедимы! – автоматически поддакнула богомолка.

– Мы не ропщем, мы благодарны. Брат мой и в послушание готов пойти, и постриг готов принять.

– А брат ваш теперь где?

– В Москве пока, приболел немного в дороге.

– А почему именно наш монастырь? – на всякий случай осведомилась Околова.

– А были мы тут когда-то, на праздник великий, и ваш архимандрит, отец Филарет, очень уж нам понравился. Уж такое благолепие на служении было, такое благолепие, что просто не знали мы, на небе или на земле! – воодушевленно произнесла Лариса. – Архимандрит даже удостоил к своей ручке приложиться, когда мы к кресту подходили. Ручки у него маленькие такие, сдобные и белые, словно булочки...

Машина неторопливо катила по почти пустынному полутемному проспекту. Лариса то и дело поглядывала по сторонам, силясь определить, где следует свернуть.

– Вот тут как раз и надо налево, – Околова заерзала на сиденье.

– А архимандрит Филарет там еще служит? – Блондинка включила поворотник и осторожно свернула на еще более темную улицу.

– Служит-то служит, – Валентина Борисовна поджала губы. – Да только разное про него говорят. Будто бы он с нашими басурманами общается, бизнес какой-то крутит. Знаете, сколько в наш город тут разных «черных» понаехало?

– Да ну! – Лариса едва не выпустила руль. – Не может такого быть, чтобы святой человек с нехристями бизнес крутил!

– Я-то, конечно, сама этому не верю, – продолжила богомолка. – Но то, что лукавый ныне очень силен стал, – про это даже Патриарх говорит!..

...Когда машина остановилась рядом с монастырскими воротами, Околова окончательно ощутила в Ларисе родственную душу. Статус беженки явно возвышал рыжеволосую женщину в глазах Валентины Борисовны, навевая подспудные ассоциации с первыми христианами, бежавшими от язычников. Прекрасное знание православной обрядности внушало невольное уважение. А статус брата, бывшего церковным старостой в неправославной стране, и вовсе поднимал семейство до немыслимых высот.

К тому же Лариса оказалась человеком слова. Она, правда, не стала завозить Околову домой, но тут же вызвала по телефону такси, попросив, чтобы прислали таксиста-женщину. Заплатила ей деньги и, опустив глаза, перекрестила Валентину Борисовну:

– Спасибо вам, матушка!

– Вот вам мой телефон. – Околова едва не прослезилась. – Позвоните мне завтра в полдень. Я завтра как раз отца Меркурия увижу, большой человек, экономят всего монастыря! Замолю за вас словечко!

– Мы готовы даже последнее монастырю пожертвовать, лишь бы брата послушником приняли! – пообещала Лариса.

Когда такси с Валентиной Борисовной растворилось в ночной темноте, Лариса уселась за руль и, пропетляв по темным улицам частного сектора, безошибочно выехала на московскую трассу. Там женщина уже не жалела свою машину, хотя ей и казалось, что старая «шестерка» просто ползет. Лора вздохнула с облегчением, когда за окнами замелькали яркие московские фонари, вскоре она свернула во двор малопримечательного шестнадцатиэтажного дома.

Спустя несколько минут она уже открывала дверь квартиры Ларина своим ключом. Конспиратор Дугин распорядился, чтобы Андрей не отвечал на звонки стационарного телефона

и не реагировал на визитеров. Единственный человек, с которым ему было разрешено контактировать, – это Лора.

– Ну, привет, – улыбнулась лишенная косметики красotka, снимая с себя платок.

– Привет, – Андрей отложил «Жития святых» и сел на диване. – Контакт установила?

– Вроде бы все по плану. Ты же знаешь, я конченная стерва...

План внедрения в окружение архимандрита Филарета был разработан Андреем и Павлом Игнатьевичем предельно тщательно. Лора, прибывшая в городок неделю назад, несколько дней подряд ошивалась среди многочисленных паломников возле святого источника, расположенного неподалеку, выцеливала богомолку из местных, обладающую в монастыре нужными связями. Задача была не из простых: одна оказалась совершенно ненормальной, другая – обычной ханжой, третья – лгуньей... Отсев с десятков кандидатур, она остановилась на Валентине Борисовне как на оптимальном и наиболее психически адекватном варианте.

Сценарий знакомства «беженки из Киргизстана» с Околовой был придуман доктором психологии. Речь самой «беженки» редактировал крупный специалист по православной обрядности. Слова о «пожертвовании монастырю» были произнесены Лорой в нужный момент – в самом конце беседы, а это означало, что они намертво останутся в памяти богомолки и наверняка будут переданы по назначению.

Так что теперь оставалось надеяться на благожелательность профессиональной богомолки и на завтрашний телефонный звонок...

– Как твои ощущения? План работает? – живо поинтересовался Ларин, глядя женщине в глаза. – Интуиция у тебя просто зверская. Я всегда полагаюсь на нее, даже если сам не верю в успех.

– А тут и сомневаться нечего, – усмехнулась рыжеволосая бестия, присаживаясь на краешек дивана. – План работает на все сто. Не зря же мы старались. Вот увидишь, позвоню завтра Валентине Борисовне, и выяснится, что та уже переговорила с монастырским экономом, отцом Меркурием.

– Этот святоша – бывший начальник хозу местной полиции, правая рука Филарета по всем монастырским бизнес-проектам? – уточнил Ларин информацию из полученной у Дугина ориентировки.

– Он самый. Но только отвыкай от подобной лексики, – напомнила Лора. – Теперь каждое твое слово должно быть благолепным и старорежимным. Они это любят.

– Не бойся, у меня есть тумблер в голове. Щелкнул, и сразу же переключился на нужную волну. Мне уже сны на церковнославянском снятся. И какого ответа ты ожидаешь от отца Меркурия?

– Он скажет, что тот готов принять потерпевшего от басурман церковного старосту в ближайшие дни. А там уже ты его обаять должен, – расплылась в улыбке Лора. – Хочешь, пари заключим?

– Против твоей интуиции я бессилен. Верю, – развел руками Андрей.

– Что говорить, помнишь или проэкзаменовать? – поинтересовалась Лора.

– Да помню я все... – вздохнул Андрей. – А вообще, у меня такое ощущение, что теперь я запросто смогу экстерном окончить духовную семинарию.

– Документы не забудь, а то я о тебе только на словах сказала...

Документы у Ларина были в полном порядке. Безукоризненный паспорт гражданина РФ с регистрацией в Бишкеке, выписка из церковной книги о крещении, несколько справок из прихода тамошней церкви, действительно сожженной экстремистами во время погромов, три газетных вырезки о «бесчинствующих молодчиках», не пожалевших даже православный храм, и одно интервью с Лариным в специально отпечатанной в двух экземплярах несуществующей киргизской газете, а главное – техпаспорт БТИ на полтора гектара земли неподалеку от этого самого монастыря, якобы доставшихся «беженцу» по наследству от родственников.

– Ну, тогда с Богом! – напутствовала Лора.

– Черт не выдаст, свинья не съест! – по ситуации отозвался бывший «церковный староста».

Ларин вопросительно посмотрел на Лору. По большому счету, общение «по службе» было окончено. Андрею оставалось только дожидаться, когда придет время встречи, о чем ему сообщат звонком. Гостя же, казалось, и не собиралась никуда уходить, хотя время стояло позднее.

– Прохладно на улице, – задумчиво проговорила Лора, глядя на то, как колышется занавеска на приоткрытом окне.

– Мне лучше спится, когда в комнате прохладно, – сказал Андрей.

– Ты же не станешь выгонять беззащитную, хрупкую женщину на ночь глядя? – с иронией проворковала Лора.

– Насчет беззащитной можно было бы поспорить. Не думаю, что те, с кем тебе приходилось сталкиваться по службе в нашей организации, придерживаются такого же мнения.

– Ну да, только за последний год посадили с добрый десяток. Еще с десятков отдыхает на кладбище. Но иногда мне и в самом деле хочется побыть беззащитной, – призналась молодая женщина.

Ларин ей был небезразличен с первого дня их знакомства, и она никогда не скрывала этого. Женщины типа Лоры обычно не слишком постоянны в чувствах, их можно привязать к себе только одним способом – не поддаваться на их провокации, не отвечать взаимностью. Что Андрей и делал.

– Так, значит, не выгонишь? – спросила поздняя гостья.

– А ты разве бы ушла?

Лора отрицательно покачала головой.

– Я, конечно, наглая и беспардонная. Но ты сам к этому вынуждаешь.

– В соседней комнате есть кровать, там и переночуешь, а я уж тут, на диване, – Андрей постарался сказать это как можно мягче.

– Спасибо и за это. Тогда спокойной ночи, братишка.

Лора поднялась, демонстративно чмокнула Ларина в щеку. Она прошла по комнате так, словно вышагивала по подиуму, в дверях повернулась и послала воздушный поцелуй.

Ларин дождался, пока в душе перестанет шуметь вода. Он еще слышал, как Лора открыла окно. Из спальни слегка потянуло табачным дымом. Андрей знал, что его напарница курит очень редко. Да и то обычно просто держит зажженную сигарету в пальцах, довольствуясь тем, что вдыхает дым через нос. Никому бы другому он не позволил курить в своей квартире, не любил табачного запаха. Но, чтобы приструнить Лору, следовало зайти в спальню, а он знал, что женщина на это и рассчитывает. Стоит, скорее всего, в расстегнутом халате на голое тело возле окна и тут же обернется, как только он войдет.

«Ну все, вроде бы улеглась», – с легким раздражением подумал Андрей, заслышав, как тихо заскрипела кровать.

Вскоре и он уже лежал на диване, даже раскладывать его не стал. За окном слышалось, как изредка во двор въезжают и выезжают из него машины.

Сон пришел быстро, Андрей, когда хотел, умел мгновенно отключиться. Проснулся Ларин резко, от того, что почувствовал – в комнате он не один. Никто бы не мог зайти так, чтобы он не среагировал на это. Вот разве что Лора...

Андрей видел ее черный силуэт на фоне полупрозрачной занавески. Халат упал на ковер, женщина скользнула под одеяло. На узком диване можно было уместиться только прижавшись друг к другу.

– Я знаю мужчин, вам трудно заснуть в одиночестве, – прошептала Лора.

– Не забывай, мы с тобой вроде бы брат и сестра, да еще воцерковленные.

– Пока еще нет. Вот окажешься в монастыре, будешь вспоминать свою «сестричку» в холодной келье.

– С тобой легче согласиться, чем послать, – тихо рассмеялся Ларин. – Меньше сил потратишь.

– Ой, не скажи. – Лора уткнулась носом Андрею в плечо...

Глава 3

Вряд ли бы Ларин и его напарница решились расслабиться, если бы знали, что произошло в тот самый день утром. Не сразу узнал об этом и Дугин, иначе бы предупредил. Но что сделаешь, жизнь полна неожиданностей...

Убийство священника, да еще вместе с попадьей, событие не рядовое. А потому расследовать его взялись с особой тщательностью. К тому же налицо были пытки, ограбление. Тут уж нельзя было списать случившееся на самоубийство, как с отцом Мефодием.

Лучший способ – поручить подобное расследование человеку молодому, амбициозному, которому жизненно важно докопаться до истины, которого впереди ждет карьера. Он будет землю носом рыть. Так и поступили. Расследование двойного убийства поручили тридцатитрехлетнему старшему оперуполномоченному Николаю Нежину. По горячим следам убийцу или убийц обнаружить не удалось. А это почти верная примета того, что дело превратится в очередной «глухарь». Можно было, конечно, как обычно, подыскать подходящего кандидата на преступление, кого-нибудь из местных жителей с богатым уголовным прошлым, и по хорошо отработанной методике повесить преступление на него. Но опер решил действовать по-другому. Не то чтобы он был совсем из иного теста, чем другие сотрудники правоохранительных органов, но в Бога все же верил, а потому считал, что за расследование убийства священника с него спросит не только начальство, но и придется отвечать на том свете. Не сильно, но верил.

В любой специальности секреты профессии передаются от учителя ученику, и уголовный сыск не исключение. Был свой любимый учитель и у опера Нежина, преподавал ему судебную криминалистику, когда тот учился в Академии. Многим выпускникам преподаватель запомнился фразой, с которой начинал первую лекцию: «Плох тот ученик, который не считает своего учителя дураком». Всякий понимал ее по-своему. А вот Нежин понял правильно, сказать, что кто-то дурак, легко, а вот ты делом докажи, что умнее.

Звали этого преподавателя Зимов Валерий Павлович. Уже лет пять, как он вышел на пенсию, жил уединенно, тихо, на подмосковной даче, оставив квартиру жене и дочери, с которыми у него не сложились отношения. Про старика Зимова среди столичных следователей ходили легенды о том, как ему удавалось еще в советские времена раскрывать самые сложные, запутанные и безнадежные преступления. И делал он это, как казалось со стороны, легко и непринужденно.

Старший оперуполномоченный Нежин хотя и добился кое-чего в жизни, но понимал, что наставника своего не обошел, а потому и отправился к нему за советом. Семидесятилетний Зимов ничуть не удивился, когда увидел своего бывшего курсанта, выбиравшегося из-за руля возле его дачи.

– Вот, проведать вас решил, Валерий Павлович, – начал издалека Нежин.

Старик стоял, прищурившись, глядел на Нежина, держа руки сложенными на сучковатой палочке, ручка которой была украшена собственноручно вырезанным на ней изображением черта.

– Ты мне, Николай, мозги не парь. Дураком не считай. Проблема у тебя по службе.

– Угадали, – признался Нежин.

– погоди, – Зимов вскинул ладонь, останавливая дальнейшие объяснения, и прикрыл глаза. – Убийство расследовать тебе поручили. И не простое. Не бытовуха – не сантехника и не пенсионера убили. За этим бы ты ко мне не приехал. Не политика и не чиновника выше среднего. Там бы расследование вели в режиме секретности, мало ли что на поверхность выплывет. Но дело резонансное, раз ты суеишься. Значит так, или артиста известного убили, или священника, других вариантов я не вижу, – сказав это, Зимов открыл глаза, они у него уже задорно блестели.

– Угадали, Валерий Павлович, – напряженно усмехнулся опер. – Священника вместе с попадшей убили и ограбили. Отца Никодима перед смертью еще и пытали, зверски, без всякого уважения к сану...

– Не спеши, я сейчас соберусь, по дороге и расскажешь. Все равно в Москву ехать хотел, за продуктами.

Через час с небольшим Зимов с Нежиным уже выходили из лифта. На двери квартиры отца Никодима белела полоска бумаги с печатями. Дверь была старой, единственной на подъезд деревянной, все остальные уже давно заменили на стальные.

– В квартире все что можно мы уже отработали, – произнес Нежин, аккуратно срывая один край полоски, и принялся пояснять: – Следов взлома не обнаружено, никто «чужим» ключом в замке не ковырялся. Предположительно, к отцу Никодиму приходил кто-то, кого он хорошо знал, вот убитый сам и впустил своего убийцу.

– Одного? – присматриваясь к двери, спросил Зимов.

– Похоже, что так. Могли быть и соучастники, но они вошли позже. – Нежин зазвенел связкой ключей и отпер дверь.

Валерий Павлович входить не спешил.

– Перед подъездом камера наблюдения стоит, – напомнил он. – Записи просмотрели?

– Не работает камера, – махнул рукой Нежин. – Самое обидное, что до недавнего времени работала. А тут, как на грех, в соседнем подъезде камера накрылась. На нем даже объявление висит, чтобы жильцы деньги на новую собирали. Но там начальник местного ЖЭС живет, вот он и дал команду камере временно в свой подъезд переставить. Никто из жильцов про это не знал.

– Совпадение? – задумался Зимов, но тут же отмел подозрения. – Начальника ЖЭС подозревать не стоит. Наверняка это обычный мудила, потихоньку крадет вверенные ему деньги, с начальством делится. Такие не убивают, побоятся.

– Говорил я с ним. Точно под ваше описание подходит, – согласился опер.

– На звонке и ручке следов пальцев не нашли?

– Или стерты, или же преступник в перчатках действовал.

Вошли в квартиру. Нежин быстро обрисовал обстановку. На полу еще виднелся обведенный мелом силуэт попадши. Зимов присел возле сейфа с обгоревшей дыркой вместо замка.

– Что взяли, не знаешь?

– О том, что хранил в сейфе священник, неизвестно. Крупной суммой денег, судя по всему, он не располагал. Подозреваю, что иконы старинные взяли, больше нечего. Прихожане могли подарить.

Зимов обвел комнату взглядом. Задержался на почерневшей иконе, висевшей в углу. На темной доске жизнерадостным пятном переливалось яркими красками расчищенное реставратором окошко.

– Иконы отпадают. И эта, судя по виду, старинная, а ее не взяли. Да и дверцу резакоткрыли. Там документы какие-то лежали. И убийца не боялся их огнем повредить. Ему их забрать надо было лишь для того, чтобы уничтожить. Это точно.

– Священника пытали, – напомнил Нежин.

– Возможно, для того, чтобы показал, где ключи от сейфа лежат. Но это тоже вряд ли. Полагаю, убийце было важно знать – не передал ли отец Никодим копию документов еще кому-нибудь.

– Ну и каков ответ, считаете?

– Это мы узнаем, когда ты убийцу поймаешь.

Зимов поднялся и, опираясь на палочку, направился на балкон, казалось, его даже не интересует, следует ли за ним Нежин.

– Что-то заметили?

– Не нравится мне твоя версия о знакомом, которому священник сам дверь открыл. Она имеет право на существование, но уж слишком доступна, что ли, на поверхности лежит. Как бы нам с тобой ее преступник не подсунил. А теперь смотри. Ты сам по дороге мне говорил, что на телефоне зафиксирован пропущенный с таксофона звонок, который практически совпадает со временем убийства. А это означает, что преступник мог звонить, проверяя, дома ли хозяева. Ну а потом и совершил проникновение. Не знаю, почему отец Никодим не снял трубку, но убийца посчитал, что никого дома нет. И проник он не через дверь, а через балкон. Этаж-то последний. Спуститься с крыши или с технического этажа дело нехитрое.

– И дверь, и окно, и форточка, все было закрыто изнутри, – возразил Нежин.

– Ваше поколение только со стеклопакетами работать привыкло. А шпингалеты и форточные задвижки на старых окнах совсем по-другому устроены.

Зимов, стоя на балконе, достал из кармана перочинный нож, сунул лезвие в щель между форточкой и рамой, легко поднял защелку.

– Мог зайти? Мог. А потом закрыл и через дверь покинул квартиру. Но мог и так сделать, – Валерий Павлович, немного повозившись, закрыл-таки защелку при помощи того же перочинного ножа. – Я не говорю, что именно так и было. Но надо и такую версию отработать. Ты технический этаж и крышу проверял?

– Нет, – вынужден был признаться опер.

– А зря. Ты бы, зная, что в подъезде камера наблюдения стоит, поперся бы под ее прицелом священника убивать? Вот и он не поперся. На соседнем подъезде объявление висит, что жильцы на новую камеру деньги собирают, через него и зашел бы, чтобы не засветиться, а потом на балкон и в квартиру...

Нежин чувствовал себя первоклассником, которому учитель провел работу над ошибками в домашнем задании.

Зимов сделал правильное предположение относительно произошедшего в квартире. На техническом этаже отыскились следы от веревки и даже отпечатки пальцев человека, привязывавшего ее, нашлись и следы ног на пыльном полу. Камера наблюдения в соседнем подъезде зафиксировала странного типа в униформе работника городского газоснабжения, и шел он так, что ни разу его лицо не зафиксировала камера, его прикрывал длинный козырек бейсболки, не предусмотренной униформой.

Зимов пожелал своему ученику успехов, а потом поехал на рынок запастись продуктами на следующую неделю.

Нежин азартно раскручивал попавшие в его руки улики. Отпечатки пальцев, снятые на техническом этаже, в федеральной базе данных не числились. Откуда оперу было знать, что в свое время Дугин немало постарался, чтобы их оттуда убрать. А вот странный тип в униформе газовщика оказался тем, кого и следовало искать. Ведь никаких работ в доме газовая служба в день убийства священника не проводила. Никто из сотрудников своего «коллегу» не опознал. Как и не было в газовой службе фургончика с номером, зафиксированного камерой наблюдения одного из офисов, расположенного в цокольном этаже дома, где жил убитый священник. Да и сам регистрационный номер являлся фальшивым – как выяснилось, ГИБДД его выдавало совсем на другую машину. Это уже, как говорится, был совсем другой коленкор. Нежин не сомневался, что благодаря своему наставнику напал на истинный след убийцы.

Современные большие города устроены так, что практически вся их территория просматривается из камер наблюдения. Тут и централизованная система, которой пользуются ГИБДД, МВД, ФСБ, и множество мелких камер, принадлежащих частным фирмам. Лишь небольшие уголки во дворах являются «мертвыми зонами».

Теперь поиски становились делом техники. Начальство моментально дало добро – сформировали группу из трех экспертов, с которыми Нежин просматривал записи, по ним вели фургон после того, как он покинул двор. Четыре часа ушло на это, как оказалось, бесполез-

ное занятие. В результате выяснили, что «газовщик» оставил машину в районе станции метро «Варшавская», а сам скрылся во дворах. Сколько потом его ни искали на кадрах расположенных вблизи камер, так и не выявили. То ли снял спецовку и бросил ее в контейнер с мусором, то ли его подобрала другая машина. След оборвался. Выхавшая на место группа обнаружила брошенный фургон, судя по всему, никто не собирался к нему возвращаться. Да, Ларин умело замел следы, но не мог же он знать заранее, с чем столкнется на квартире покойного отца Никодима.

И тогда Нежин понял, что будь на его месте умудренный многолетней работой следака Зимов, то поиски сразу бы велись не в одном, а в двух направлениях. Теперь оставалось надеяться, что удастся понять, откуда этот самый фургон приехал.

А еще говорят, что машины времени не существует! Существует, вот только виртуальная. Работали далеко за полночь, никто из экспертов и не заикался о том, что следовало бы сделать перерыв. Просматривая записи в обратной отмотке, Нежин наконец увидел на экране, как задним ходом во двор шестнадцатизэтажного дома заезжает фургон, как из него выбирается Ларин и, пятясь, скрывается в подъезде. Вскоре на пятом этаже открылось окно.

– Есть! – вырвалось у опера. – Будем брать!

* * *

Лора лениво потянулась во сне и прижалась щекой к плечу Андрея.

– Сколько времени, не знаешь? – прошептала она.

– До рассвета еще далеко, спи... – произнес Андрей и вдруг приложил палец к губам.

Лора и сама уже насторожилась, села на диване. Днем, возможно, ничего бы и не услышали, но ночью даже самые тихие звуки делаются различимыми. Кто-то тихонечко ковырялся в замке входной двери. Женщина покосилась на Ларина. Он соскочил с дивана и включил камеру домофона. Экран засветился, но изображение того, кто находился на площадке перед дверью, так и не появилось.

– Заклеили объектив? – одними губами спросила Лора.

– Похоже на то, – так же беззвучно ответил Ларин, вглядываясь в неясные тени, скользившие по экрану.

Андрей вдавил кнопку на рамке монитора. Теперь уже заработала и камера, о которой незваные гости не догадывались. Она стояла в распределительном ящике, куда сходились и откуда расходились телефонные и телевизионные кабели.

От увиденного Лора прикусила губу. Последняя надежда на то, что в квартиру пытаются забраться заурядные грабители, исчезла. Вдоль лестницы, прижимаясь спинами к стене, выстроились четверо вооруженных спецназовцев в полной экипировке. Мужчина в черном и вязаной шапочке типа «ночь» сидел на корточках под дверью, колдовал с замком. Еще один в бронежилете, надетом поверх костюма, торопил взломщика.

Мягко отошел ригель, повернулась ручка. Ларин показал Лоре два пальца, сообщая, что дверь была закрыта на два замка, и поманил ее за собой в комнату.

– Уж лучше бы ты выпроводил меня на улицу, – проговорила женщина.

– Я же говорил тебе, секс на службе до добра не доведет.

Лора метнулась в соседнюю комнату, вернулась с сумочкой и пистолетом в руке.

– Мы попались. На улице у них микроавтобус стоит. Интересно, они за мной следили или за тобой приехали?

– Потом разберемся. Уходить надо. – Ларин торопливо одевался.

– Уходить? – прошептала Лора. – Предлагаешь их перестрелять через стальную дверь?

– Никакой стрельбы, – предупредил Ларин. – Уходим тихо и незаметно.

Лора вопросительно глянула на своего напарника, ей показалось, что тот сошел с ума. Все окна квартиры выходили во двор, даже на альпинистском шнуре с балкона не спустишься – внизу микроавтобус, в салоне которого наверняка еще парочка вооруженных спецназовцев. Взломщик уже аккуратно ковырялся во втором замке.

– Одежду забирай, – Ларин сгреб женские вещи и сунул их в руки Лоре.

Андрей, а следом за ним и Лора прокрались на цыпочках в прихожую. Ларин отодвинул зеркальную створку встроенного гардероба, прошептал:

– Извини, что не пропускаю тебя первой, – и исчез внутри просторного шкафа.

Лора, колебавшись, двинулась за ним. Идея отсидеться в шкафу явно ей не нравилась. Но лучшего предложения пока не было.

Тут же все и разъяснилось. Ларин чем-то щелкнул, задняя панель шкафа, прилегающая к стене, отошла в сторону, за ней оказалась дверь, ведущая в соседнюю квартиру.

– Проходи, – Андрей вжался в куртки и пальто, висевшие на вешалке.

Лора проскользнула мимо. Ларин шагнул за ней, поставил панель на место, закрыл ее на защелку и запер дверь. Лора огляделась. Квартира по планировке являлась зеркальным отражением той, которую они только что покинули. Вот только мебели здесь почти не было, да и ремонт еще не закончили.

– Одевайся, а то глупо смотришься, когда на тебе из всей одежды только один пистолет, – наконец-то напряженно улыбнулся Ларин и прижался ухом к двери. – Кажется, мы вовремя свалили...

Взломщик отошел от двери. Спецназовец, стоявший у стены, вытянул руку и плавно приоткрыл дверь. Сквозняк неторопливо повел ее дальше. Группа захвата ворвалась в квартиру без обычных в таких случаях криков, бойцы действовали грамотно и слаженно.

– Пусто, – наконец доложили Нежину.

Опер стоял у неразложенного дивана, прикоснулся рукой к простыням и явно ощущал еще не остывшее тепло человеческого тела.

– Они где-то здесь, – прошептал он.

Ситуация пахла мистикой. В спальне еще явственно чувствовался не выветрившийся запах табачного дыма. Окурочек гламурной сигареты криво торчал из черной земли вазона среди серых комков нерассыпавшегося пепла. В ванной поблескивали невысохшие капельки воды. Все говорило о том, что в квартире только что были люди, скорее всего, мужчина и женщина – любовники. Вот только почему-то они облюбовали себе не спальню с широкой кроватью, а неразложенный диван. И испарились они буквально несколько секунд тому назад.

Нежину казалось, что их образы еще хранит зеркальная створка встроенного гардероба. Но, заглянув туда, он увидел только собственное отражение. Опер негромко выругался.

– ...Под ванной смотрели? – без всякой надежды спросил он.

– Смотрели. Нигде и никого. На антресолях тоже смотрели.

Нежин представил себе ехидную улыбку своего наставника Зимова, когда тот услышит от него о невероятном исчезновении подозреваемого. И наверняка же старик за считанные минуты найдет приемлемое этому объяснение. Нежин даже сдержал себя, чтобы не позвонить Валерию Павловичу прямо сейчас.

– Этого не может быть... – проговорил опер, отодвигая створку шкафа.

На вешалке – куртки, пальто. На верхней полке, словно свернувшаяся в клубок кошка, лежала мохнатая шапка-ушанка. Нежин даже на всякий случай промерял рукой глубину гардероба, хотя и невооруженным глазом видел, что места для тайника, в котором может спрятаться человек, там нет.

– Мрак какой-то. – Опер не верил в мистику, но и придумать что-либо толковое не мог.

Напрашивалось дурацкое, ничего не объясняющее понятие «улетучились». Но ведь люди не пары эфира или бензина, чтобы улетучиваться. Щека следака нервно задергалась. Он вернулся в комнату, выглянул в окно. Спецназовец, стоявший возле микроавтобуса, тут же знаками показал ему, что никто из окна не спускался. Нежин непроизвольно посмотрел на небо, словно надеялся увидеть там улетающих к высоким облакам преступников.

– Бред...

...Андрей и его напарница прислушивались к тому, что творится в покинутой ими квартире.

– Долго тут рассиживаться тоже не стоит, – прикинул Ларин.

– Дождемся утра и, когда люди пойдут на работу, выйдем с ними, – предложила Лора. – Как понимаю, эта квартира расположена в соседнем подъезде?

– Правильно понимаешь, но к тому времени они уже установят наружку во дворе или, того хуже, начнут обходить все квартиры подряд. Сваливать надо прямо сейчас.

– Не лучший вариант, но другого нет.

Шаги гулко отзывались на пустой лестнице. Лифтом пользоваться не стали. Около окон в подъезде проходили пригнувшись, чтобы не попасться никому на глаза. Наконец оказались перед стальной входной дверью. Неровно горела индикаторная лампочка кнопки открытия электронного замка. Ларин не спешил нажимать на нее.

– Чертова автоматика, – выругался он.

Лора поняла, что именно сдерживает Андрея. Нажмешь кнопку, тут же раздастся противный писк. А возле микроавтобуса скучает спецназовец. В ночном дворе обязательно услышит электронный звук и среагирует.

– Никогда не знаешь, какая мелочь станет у тебя на дороге, – отреагировала Лора.

Ларин уже распахнул электрический щиток на площадке и присматривался к хитросплетению проводов. В этот момент он выглядел как сапер, размышляющий над тем, какой проводок перерезать в mine с электрическим взрывателем. Наконец, Ларин уверенно щелкнул в недрах щитка автоматом-предохранителем. Красная подсветка кнопки на входной двери погасла, стальное полотно с еле различимым щелчком отошло.

– Ну вот, обесточено. А теперь очень осторожно, – проговорил Андрей.

Лора присела, приоткрыла дверь, выглянула на улицу.

Стоявший у микроавтобуса спецназовец о чем-то беседовал с Нежиным. Опер нервно вертел в руке рацию. Женщина выскользнула на крыльцо и, нырнув под перила, бесшумно спрыгнула на отмостку, тут же оказавшись под прикрытием кустов. Через пару секунд рядом с ней уже стоял и Ларин.

– Пистолет спрячь, – посоветовал он. – Эти люди – простые исполнители, делают свою работу.

Лора показала на свою машину. Когда она приехала, то не сразу нашла место, где припарковаться, пришлось дважды проехать по двору. Свободное место нашлось лишь на спуске, ведущем к улице. Теперь это обстоятельство было как нельзя кстати.

Пригнувшись, прячась за кустами, перебежками между подъездами Андрей и Лора преодолели дистанцию. Чуть выждав, метнулись к «шестерке». Женщина села за руль. Двигатель не заводили. Ларин приналег на стойку открытой передней дверцы. Машина с вывернутыми до предела влево колесами неохотно поддалась, но, оказавшись на прямом спуске, покатила уже самостоятельно. Ларин запрыгнул на сиденье, мягко прикрыл дверцу.

– Ну вот, считай, все, – произнес он, глядя на то, как в зеркальце заднего вида удаляется микроавтобус и стоящие рядом с ним люди.

«Шестерка» катилась бесшумно – с выключенным двигателем и погашенными габаритами. Ее практически и видно не было из-за плотно припаркованных машин. В торце дома

уже просматривалась улица. Лора держала руку на ключе зажигания, готовясь после поворота запустить мотор.

– Когда будешь связываться с Дугиным, попроси, чтобы по своим каналам разузнал, кто это был. Если это традиционная охота на членов нашей организации, одно дело, а если налет связан с убийством отца Никодима...

Ларин не стал заканчивать фразу. С улицы на большой скорости, взвизгнув протекторами по асфальту, зарулил реанимобиль. Если бы «шестерка», как и положено, ехала с включенными фарами, то водитель «Скорой помощи» наверняка пропустил бы ее, переждав у поворота. Но если уж прячешься, то прячешься от всех, вот и обнаружилась помеха слишком поздно. Автомобили замерли в узком проезде – не разъехаться. С одной стороны высокий бордюр пешеходной дорожки, проложенной вдоль дома, с другой – плотная цепочка припаркованных одна за одной машин.

Реанимобиль нетерпеливо моргнул фарами, мол, спешим на вызов – сдавай назад. Маневр не слишком сложный, но он вынуждал Лору катить задним ходом прямо к полицейскому микроавтобусу. Женщина попыталась изобразить из себя этакую неумеху. Завела машину, неровно сдала назад, чуть не упершись задним бампером в угловатый джип, после чего высунулась в окно и махнула рукой, показывая, что ничего у нее не получится. Мигалки на крыше реанимобиля заполыхали, водитель решил разминуться, заехав двумя колесами на бордюр пешеходной дорожки. Обычно сдержанный Ларин вновь выругался.

– Черт. Они уже сюда едут. Ох, как некстати.

Микроавтобус стремительно приближался.

Машина «Скорой помощи» наконец-то заехала на дорожку передним колесом. Лора втопила педаль газа. «Шестерка», чиркнув реанимобиль дверцей, разминулась с ним и рванула к улице.

У преследователей возникла заминка, микроавтобус был шире «шестерки» и не мог втиснуться в узкое пространство между «Скорой помощью» и припаркованными машинами. Да и водитель реанимобиля не собирался уступать нахалам, не дававшим проезда спецтранспорту с включенными мигалками.

Тут подоспел и Нежин, он ехал следом за микроавтобусом с группой захвата на своем личном «Пежо». Опер выскочил из-за руля и ткнул в лобовое стекло реанимобиля удостоверение.

– Освобождай дорогу. Полиция!

«Скорая помощь» качнулась, забралась-таки на бордюр и задним колесом.

Лора смотрела вперед на мигающий желтым светофор. Ларин сидел обернувшись. Он недовольно поморщился, завидев выезжающие на улицу машины.

– Быстро управились.

– Пистолет возьми, – предложила Лора.

– Успеется, – отмахнулся Андрей. – У тебя что, движок не форсированный?

Фары преследователей приближались.

– Я же машину поскромней выбирала, – оправдывалась Лора, минуя перекресток. – Действовала по ситуации. Кто ж знал, что удирать придется?

– На следующем перекрестке вправо сворачивай. Только не вздумай поворотник включать, – подсказал Ларин.

Андрей, когда ему приходилось заселяться на новую конспиративную квартиру, обязательно пару дней отводил на то, чтобы исколесить за рулем все переулки, проезды, тупики. Затраты времени могли с лихвой окупить себя в критические моменты, подобные сегодняшнему. Он досконально знал местность, противник же ориентировался хуже.

Лора, вопреки желанию Ларина, все же включила поворотник и даже перестроилась в правый ряд.

– Не подумают же они, что я такая идиотка и загодя сдаю им наши планы, – поспешила успокоить она Андрея. – Как пить дать посчитают, что на перекрестке я рвану влево.

– Тоже логично, – отозвался Ларин, берясь рукой за поручень над дверцей.

Предосторожность оказалась не лишней. Лора, практически не сбавляя скорости, вывернула руль, машину занесло, развернув точно на девяносто градусов. И вновь – педаль в пол. Дезориентированный водитель микроавтобуса не сразу вписался в поворот и, немного отстав, продолжил преследование. А вот Нежин на своем «Пежо» решил проскочить еще один квартал и перехватить беглецов чуть дальше, понимая, что они вряд ли попытаются скрыться в городе, скорее всего, рвут прочь из Москвы.

– Хреново, что у них две машины, – пробормотала Лора.

– Скоро будет еще больше, подкрепление вызовут, – произнес Ларин и вновь дал подсказку: – Теперь во двор, там сквозной проезд. Только скорость чуть сбрось.

Лора не стала спорить, район она знала плохо, приходилось целиком полагаться на Ларина. Ситуация с узким проездом повторялась. С одной стороны – бордюр пешеходной дорожки, с другой – вереница припаркованных машин. Фары микроавтобуса были уже совсем близко, они прямой наводкой били в заднее стекло «шестерки».

– Сейчас стрелять начнут, – всполошилась Лора, глядя на то, как опускается боковое стекло.

– Пока не начнут. Видишь? На обгон идут.

Ларин словно читал мысли водителя преследующей их машины. Водитель микроавтобуса, подгадав понижение бордюра возле подъезда, вскочил левыми колесами на пешеходную дорожку и прибавил скорости.

– Быстро фары погаси, – крикнул Ларин.

Лора не стала выяснять, зачем. Микроавтобус уже шел почти рядом, готовясь прижать «шестерку» бортом. И только сейчас Лора поняла план Андрея. Впереди, прямо посередине пешеходной дорожки, криво росла плохо видимая в темноте толстая береза. Скорее всего, когда благоустроивали двор, жильцы дома грудью стали на ее защиту, вот строители и оставили старое дерево торчать из бетонной плитки. Лора резко прибавила газу. А вот водитель микроавтобуса среагировал слишком поздно. Сзади послышался сильный удар, хруст сминаемого кузова. Ларин смотрел сквозь заднее стекло на врезающуюся в березу машину. Из-под смятой решетки валил пар. Переднее стекло вылетело вместе с уплотнителем. Водитель с окровавленным лицом выбирался из-за руля. Пара спецназовцев еще пытались нагнать беглецов, но очень быстро убедились, что это им не под силу. Один из них вскинул автомат, но стрелять не рискнул. Пули, выпущенные очередью, наверняка бы разнесли несколько окон и изрешетили бы парочку машин.

Лора не удержалась и показала через плечо непристойный жест.

– Не горячись, они на двух машинах за нами гнались, – напомнил ей Ларин.

Он прикинул: получалось, что все же удастся выехать из двора первыми, прежде чем «Пежо» объедет квартал. Так и случилось.

Нежин еще только разогнался после перекрестка, а «шестерка» уже вырулиwała на широкую улицу, вдоль которой тянулись коробки новостроев. Фонари не горели, лишь на стройках местами поыхали прожекторы. У стен темнели вагоны-бытовки.

– Он один в машине, – определила наконец Лора. – Может, выстрелишь ему по колесам? А то не отвяжется.

– Он тоже не прочь прострелить нам колесо, – присматриваясь к приближающемуся «Пежо», проговорил Ларин. – Но только не получится, тут уж что-нибудь одно: или машину вести, или стрелять. Зигзагом иди, не дай ему вперед вырваться.

Лора вела машину умело. Конечно, если бы за рулем сидел Андрей, автомобиль ехал бы лучше. Но женщина с задачей справлялась неплохо. «Пежо» никак не мог обогнать «шестерку».

– А теперь немного «ошибись», – усмехнулся Ларин. – Дай ему обойти тебя справа, по самой кромке.

– Это еще зачем?

– Там люки ливневой канализации не стоят, – прищурился Андрей. – В необжитых районах их бомжи крадут и на металлолом сдают.

– Жестокий ты человек, – отозвалась Лора, делая очередной зигзаг.

«Пежо» рванул вперед и успел, как рассчитывал Андрей, вклиниться справа. Лора тут же стала прижимать его бортом к бордюру. Нежин одной рукой поднял пистолет и навел ствол на Ларина.

– Влево уходи! – крикнул Андрей.

Лора вывернула руль. Переднее колесо «Пежо» угодило в прямоугольный проем люка ливневой канализации, подвеску мгновенно выбило. Автомобиль развернуло, ударило о бордюр, и он, перевернувшись на крышу, гигантским пресс-папье скользнул по глинистой земле к одинокому дереву, стоявшему в паре метров. От удара желтые листья, как золотые монеты, посыпались на машину. Капот отлетел в сторону. Крышу прижало к спинкам сидений. Нежин застрял за рулем, не мог вытащить ноги, дверцы не открывались. Свободными оставались только руки, но и ими он не мог дотянуться до расколотого лобового стекла. А спереди из сорванного патрубка топливного насоса тонкой струйкой стекал бензин, искрила проводка – двигатель еще продолжал неровно тарыхтеть.

Язычок пламени взобрался по свисавшему проводку, вспыхнул огонек, еще не очень ярко. Пламя было голубоватым, как на газовой горелке, но оно разрасталось. Нежин дергался, однако никак не мог вырваться из ловушки, в которой оказался. Вылетевший из машины мобильник поблескивал на мокрой глине метрах в полутора от машины.

Лора остановила машину, посмотрела назад.

– Он сгорит, – произнесла она.

– Что предлагаешь? – отозвался Ларин.

– Ты же сам говорил. Это только исполнители, которые делают свою работу.

– Значит, плохо делал свою работу, если мы остались целы, а у него горит разбитая машина.

– Это он в ней горит! – выкрикнула Лора и сдала назад. – Сиди, я сама.

Молодая женщина вытащила из-под солнцезащитного козырька темные очки, надела их, на мгновение глянула в зеркальце. Большие стекла надежно прикрывали глаза, особо человека в таких очках не запомнишь. Она схватила огнетушитель и побежала к занимающемуся синим пламенем «Пежо».

Нежин дотянулся до пистолета, направил ствол на Лору. Он смотрел на молодую женщину, но видел лишь сполохи огня, отражавшиеся в стеклах солнцезащитных очков.

Лора поняла, мужчина не выстрелит. Она сдвинула рукоятки огнетушителя, струя порошка, смешанного со сжатым воздухом, ударила во внутренности машины. Пламя удалось сбить лишь с третьей попытки. Нежин протер тыльной стороной ладони запорошенные глаза.

Лора развернулась и пошла прочь.

– Стой! – закричал Нежин. – Стой, стрелять буду!

Молодая женщина вскинула над плечом руку с оттопыренным в непристойном жесте пальцем.

«Шестерка», мигнув на прощание рубинами стоп-сигналов, развернулась и укатила.

* * *

– Ра-а-внение на флаг! – торжественно и гулко прозвучал в прохладном утреннем воздухе голос.

Майор Роман Крапивин выкрикнул команду, вытянулся в струнку и задрал голову. Весь личный состав отдельного батальона полицейского спецназа, расквартированного на окраине городка, замер, глядя в государственный и ведомственный символы. В сизое подмосковное небо медленно вполз трехцветный российский триколор, а за ним – еще один флаг, поменьше, ведомственный – МВД.

Грянул гимн, вполне сносно исполняемый полицейским духовым оркестром. Спецназовцы смотрелись монументально, коротышек в батальон на службу не брали. Все рослые – не ниже ста восьмидесяти сантиметров, одеты в черное. В руках прозрачные щиты с двухголовым орлом и надписью «Полиция», на коленях, локтях защитные щитки, на руках рифленые перчатки, подозрительно напоминающие кастеты, на головах черные лакированные шлемы с плексигласовыми забралами. И форма, и снаряжение были новенькими, первый раз надетыми. Спецназовцы гордо выпячивали груди колесом. Их строй казался строем несокрушимых римских легионеров. На плацу перед спецназовцами высились шесть новеньких автозаков на базе «МАЗов». Их геометрически безупречные будки, каждая размером со средний деревенский дом, матово отливали болотно-зеленым цветом. Все стекла прикрывала частая металлическая решетка.

Оркестр браво закончил гимн, полоскались на ветру флаги, но командир отдельного батальона и не думал давать команду «вольно». Вместо этого он так же торжественно произнес, что месторасположение подразделения почтил своим присутствием архимандрит Филарет.

Архипастырь вышел вперед в сопровождении монастырского эконома – бывшего мента, отца Меркурия, державшего серебряное ведро со святой водой. Его черные монашеские одеяния сочетались по цвету с формой спецназовцев. Ветер тут же принялся трепать бороду. Ряса мелко затрепыхалась, как подбитые крылья ворона. Низким грудным голосом архимандрит принялся даже не говорить, а вещать, то и дело вкручивая словесной вязью церковнославянские анахронизмы. Филарет кропил святой водой автозаки, щиты, полицейские дубинки и самих спецназовцев, даже не поинтересовавшись, а нет ли среди последних иноверцев. Вероятно, само собой понималось, что басурман в «христово войско» не берут.

Замысловатая речь архимандрита сводилась к тому, что теперь христолоубивое воинство будет чувствовать себя уверенней, потому что его защищают высшие божественные силы.

– ...Это оружие не то, которое направлено на убийство, а то, которое на защиту нашей страны от внутреннего супостата, – с умилением глядя на усиленно экипированный спецназ и спецсредства, проникновенно произносил слова Филарет. – И это принципиальная разница. То есть это та разница, которая говорит «мы призваны защищать добро»...

Вообще-то спецназовцам полагалось бы время от времени осенять себя крестным знаменем, но этого почему-то не происходило, лишь некоторые из них после того, как архипастырь обильно кропил их, бормотали «спасибо».

Наконец освящение «христово воинства и его техники» в лице спецназовцев и автозаков было окончено. Прозвучала команда «вольно». Майор Крапивин в сопровождении святых отцов Филарета, Меркурия и местного бизнесмена ингушского происхождения Шамиля поднялся на трибуну.

Майор Крапивин хватанул воздуха и бодро заговорил, то и дело энергично рассекая пространство вокруг себя рукой. Он отдал должное всем. И руководству страны-области, родного МВД, за то, что оно печется о полицейском спецназе, закупая для него новую технику и снаряжение, возводя жилье и выдавая для этого льготные кредиты. И бизнесмену Шамилю, жертв-

вовавшему деньги на пункт техпомощи для новой техники, и церкви, не забывающей о духовной стороне дела. До этого майор говорил более-менее сдержанно, а потом его «понесло».

– ...Мы существуем на деньги налогоплательщиков для того, чтобы не дать всяким митингующим отморозкам раскатать нашу общую лодку – Российскую Федерацию, в которой сидят все: и президент, и чиновники, и народ, и армия с силовиками, и бизнесмены... стать непреодолимой преградой на пути навязываемых нам извне «оранжевых» беспорядков и революций...

Однако вскоре запал командира отдельного батальона полицейского спецназа иссяк, он скомканно закончил речь и объявил о начале показательных выступлений своих подчиненных. Программа была уже давно отработана, ее не раз показывали на городских праздниках, где подпитые мужики с удовольствием наблюдали за тем, как одни менты колошматят других.

Для начала вышли голые по пояс спецназовцы, державшие в руках пеноблоки с выведенными на них буквами. Когда они выстроились в шеренгу, то буквы сложились в девиз отдельного батальона: «ЧЕСТЬ, ЗАКОННОСТЬ, СПРАВЕДЛИВОСТЬ». После чего под барабанную дробь полицейские, действуя «волной», лихо разбили о свои головы толстые пеноблоки с хорошими словами. Обломками разлетелись и «ЧЕСТЬ», и «ЗАКОННОСТЬ», и «СПРАВЕДЛИВОСТЬ». При этом до трибуны явственно доносились резкие матерные выкрики крошителей строительных материалов. Филарет лишь головой покачал, но замечания майору не сделал, даже он понимал, что без мата великие дела в этой стране не свершаются.

Далее были продемонстрированы приемы рукопашного боя. На этом отработанная на широкой публике программа закончилась, предстояло продемонстрировать действия по разгону несанкционированных мероприятий. Спецназовцы разделились на полицейских и условного противника – «демонстрантов-отморозков». «Демонстранты» держали в руках пустые лозунги – по две палки с натянутыми между ними белыми простынями и такие же белые флаги на раскладных удочках, при этом кричали нечто невнятное, но наверняка обидное. Единственное слово, которое немного можно было разобрать, – это «фашисты», но иногда в нем слышалось и «пид...сы».

На «отморозков» двинулась стена спецназа, плац наполнился ритмичным грохотом – для устрашения бойцы били дубинками по щитам. Тогда условные демонстранты пошли на гнусную провокацию, с криками покатали на древнеримский строй мусорные контейнеры, в которых дымила пропитанная соляжкой ветошь. Спецназовцы дружно, по команде, расступились, без потерь пропустив контейнеры, и тут же вновь плотно сомкнули строй. Зашипели огнетушители, огонь был оперативно потушен. Но у «демонстрантов» в запасе была еще одна гадость – поддон с аккуратно сложенными, выкрашенными в серый цвет пенопластовыми кирпичиками, которые по ходу представления должны были изображать бетонную тротуарную плитку, выковырянную вредителями из мостовой. Вот этой легковесной плиткой они и принялись забрасывать спецназ. Пара бойцов картинно упала, притворяясь ранеными, – их тут же погрузили на носилки и эвакуировали в автозак. А вот уцелевшие спецназовцы вновь проявили слаженность и выучку: они создали из своих тел и щитов непробиваемое укрытие – «черепаху», известную еще со времен Александра Великого. Пенопластовые кирпичики били в щиты, отскакивали, разлетались, а «черепаха» неумолимо ползла вперед. Когда же кирпичики на поддоне закончились, спецназ перешел в наступление. Схватка оказалась короткой. Полицейские дубинки с металлическими сердечниками легко крушили зонты и складные удочки от флагов, которыми, как оружием, пользовались «демонстранты». Затем спецназовцы рассеяли толпу, повязав зачинщиков.

После этого театрализованного представления майор Крапивин объявил, что всех ждет угощение. Столы для рядового состава и офицеров с гостями были накрыты в разных помещениях. Обслуживали мероприятие официанты одного из ресторанов, принадлежавших Шамилю, – все сплошь выходцы с Кавказа.

Войдя в банкетный зал, архимандрит тут же потянул носом, пытаясь различить запрещенные для церковного поста блюда. Но никакими шашлыками не пахло. Сплошь благолепные постные ароматы. Шамиль, как мусульманин, прочувствовал ситуацию заранее и, чтобы не оскорбить чувств православных братьев по общему преступному бизнесу, предварительно проконсультировался насчет меню с отцом Меркурием. Тот и подсказал ему ежедневные постные блюда архипастыря.

На столе виднелись тарелки с грибами всех видов. Воском отливали фрукты. Нежно белела отварная осетрина, истекали жиром соленые палтус и семга. Зернилась икра. Краснели креветки, раки и лобстеры... Попахивала древесным дымком запеченная на решетке форель. Среди подносов, ваз, тарелок, бокалов зелеными колокольнями высились бутылки с церковным кагором.

По привычке ментовское начальство сразу же стало рассаживаться, зазвенело приборами. Но под строгим взглядом архимандрита офицеры поняли свою ошибку, стали подниматься, гремя стульями. Филарет благоговейно прикрыл глаза, прочитал короткую молитву и благословил «посланный днесь хлеб насущный», после чего и сел первым, предварительно задрав рясу, чтобы не помять ее.

Полицейские офицеры уныло смотрели на церковное вино, прикидывая его крепость. Глядя на их крепко сбитые, коротко стриженные и краснощекие головы, нетрудно было понять, что и по две бутылки водки на брата для них доза далеко не запредельная. Никто не спешил наливать. Архимандрит звучно вздохнул, словно принимал на себя чужой грех, после чего весело и даже как-то по-молодому блеснул глазами.

– А чего ж это вы, господа офицеры, водку на стол для себя не поставили? Вы-то люди светские, хоть и православные. Да ее, поди, проклятую, и не из мяса-то гонят, а? Постная она!

Офицеры дружно захохотали. Шамиль лишь взглянул на официантов. Не прошло и минуты, как на столе уже расставляли запотевшие холодные бутылки и заменяли бокалы на вместительные рюмки.

Майор Крапивин понял, что должен на правах хозяина сказать первый тост. Он поднялся, держа рюмку в правой руке, откашлялся.

– Ну, это, значит... за освящение техники. Чтоб не подвела в годину испытаний. С Богом. – Сказав это, майор ловко перекрестился полной рюмкой и залихватски влил водку в широко открытый рот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.